

Письма к тетеньке

(Из письма одиннадцатого)

Милая тетенька.

Представьте себе, ведь Ноздрев-то осуществил свое намерение: передо мною лежат уж два номера его газеты. Называется она, как я посоветовал: «Помои — издание ежедневное». Без претензий и мило. В программе-объявлении сказано: «мы имеем в виду истину» — еще милее. Никаких других обещаний нет, а коли хочешь знать, какая лежит на дне «Помоев» истина, так подписывайся. «Мы не пойдем по следам наших собратьев, — говорится дальше в объявлении, — мы не унизимся до широковещательных обещаний, но позволим сказать одно: кто хочет знать истину, тот пусть читает нашу газету, в противном же случае пусть не заглядывает в нее — ему же хуже!» А в выноске к слову «истина» сделано примечание: «Все новости самые свежие будут получаться нами из первых рук, немедленно и из самых достоверных источников». А в том числе, конечно, будет получаться и клевета.

Внешний вид газеты действует чрезвычайно благоприятно. Большого формата лист; бумага — изумительно пригодная; печать — сделала бы честь самому Гутенбергу; опечаток столько, что редакция может прятаться за ними, как за каменной стеной. Внизу подписано: редактор-издатель Ноздрев; но искусно пущенный под рукою слух сделал известным, что главный воротило в газете — публицист Искариот. Не тот, впрочем, Искариот, который удавился, а приблизительно. Ноздрев даже намеревался его ответственным редактором сделать (то-то бы розничная продажа пошла!), но не получил разрешения, потому, что формуляр у Искариота нехорош.

Со стороны внутреннего содержания газета делает впечатление еще более благоприятное. В передовой статье, принадлежащей перу публициста Искариота, развивается мысль, что ничто так не предосудительно, как ложь. «Нам все дозволяется, — говорит Искариот, — только не дозволяется говорить ложь». И далее: «Никогда лгать не надо, за исключением лишь того случая, когда необходимо уверить, что говоришь правду. Но и тогда лучше выразиться надвое». Затем рассматривает факты современной жизни, вредные — одобряет, полезные — осуждает и в заключение восклицает: «так должен думать всякий, кто хочет остаться в согласии с истиной!». А Ноздрев в выноске примечает: «Полно, так ли? *Ред.*». Вторая передовая статья подписана «Сверхштатный Дипломат» и посвящена вопросу: было ли в 1881 году соблюдено европейское равновесие? Ответ: было, благодаря искусной политике, а чьей — не скажу. Примечание Ноздрева: «Скромность почтенного автора будет совершенно понятна, если принять в соображение, что он сам и есть тот «искусный политик», о котором идет

речь в статье. *Ред.*». В фельетоне фельетонист Трясучкин уверяет, что никогда ему не было так весело, как вчера на рауте у княгини Насофеполежаевой. Раут имел отчасти литературный характер, потому что княгиня декламировала: «Ах, почто за меч воинственный я свой посох отдала?», но из заправских литераторов были там только двое: он, Трясучкин, да поэт Булкин. Оба в белых галстуках. И когда княгиня произносила стих: «Зрела я небес сияние», то в гостиную вошел лакей во фраке и в белом галстуке и покурил духами. Так что очарование было полное. А когда, вслед за тем, сюрпризом явился фокусник, то вышел такой поразительный контраст, что все залились веселым смехом. Но ужина не было, «так что мы с Булкиным вынуждены были отправиться к Палкину и пробыли там до шести часов утра». Против имени княгини Насофеполежаевой Ноздрев приметил: «Урожденная Сильвупле, дочь действительного статского советника, игравшего в свое время видную роль по духовному ведомству», — а против фамилии поэта Булкина: «нет ли тут какого недоразумения?». На второй странице — разнообразнейшая «Хроника», в которой против десяти «известий», в выносках, сказано: «Слышно от Репетилова», а против пяти: «Не клевета ли?». За хроникой следует тридцать три *собственных* телеграммы, извещающие редакцию, что мужик сыт. Но и тут выноска: «Истина вынуждает нас сознаться, что телеграммы эти составлены нами в редакции для образца». Третья страница посвящена корреспонденции из городов, коих имена не попали в «Список городских поселений», изданный статистическим отделом министерства внутренних дел. На четвертой странице — серьезная экономическая статья: «Наши денежные знаки», в которой развивается мысль, что ночью с

извозчиком следует рассчитывать непременно около фонаря, так как в противном случае легко можно отдать двугривенный вместо пятиалтынного, «что с нами однажды и случилось». Статья подписана *Не верьте мне*, в выноске против подписи сказано: «Не только верим, но усерднейше просим продолжать. *Ред. Ноздрев*». Наконец на самом кончике последнего столбца объявление: «ДЕВИЦА!! ищет поступить на место к холостому человеку солидных лет. Письма адресовать в город Копыс Прасковье Ивановне». Выноска: «Очень счастливы, что начинаем предстоящую серию наших объявлений столь любезным предложением услуг; надеемся, что и прочие девицы (sic) не замедлят почтить нас своим доверием. *Конторищик Любострастный*». Второй номер еще лучше. Начинается передовой статьей: «Военный бред», в которой указывается, что в тылу у нас — Белое море и Ледовитый океан. Статья подписана: «Бывший начальник штаба войск эфиопского принца Амонасро, из «Аиды». Во второй статье, публицист Искариот сходит с высот теоретических на почву современности и разбирает по суставчикам газету «Пригорюнившись Сидела», доказывая, что каждое ее слово есть измена. Затем помещено письмо Трясучкина, который извещает, что поэт Булкин совсем не «недоразумение», а автор известного стихотворения «Воззри в лесах на бегемота», а редактор Ноздрев в выноске на это возражает: «Но кажется, что это стихотворение, или приблизительно в этом роде, принадлежит перу Ломоносова?». Телеграммы опять составлены в стенах редакции, и по этому поводу Ноздревым сделано следующее «заявление»: «Невозможно, чтоб редакция на свой счет получала телеграммы из всех городов. Она свое дело сделала, т.е. составила и обнародовала образцы, а затем

охотники, желающие видеть свои телеграммы напечатанными, обязываются уже на собственный счет посылать таковые в редакцию». На четвертой странице новая экономическая статья экономиста *Не верьте мне*, в которой развивается мысль, что когда играют в карты на мелок, то справедливость требует каждодневно насчитывать умеренные проценты. И в выноске: «Так мы и делаем. *Ред.*». В конце опять одно объявление: «КУХАРКА!! такое одно кушанье знает, что пальчики оближешь. Спросить на Невском от 10 до 11 часов вечера девицу «Ребята-хвалили». Выноска: «Наши вчерашние ожидания постепенно оправдываются, но пускай же и прочие кухарки поспешат к нам с своими объявлениями. *Конторщик Любострастное*».

И внизу, под обоими номерами достолюбезная подпись: редактор-издатель Ноздрев!!

Я разом проглотил оба номера, и скажу вам: двойственное чувство овладело мной по прочтении. С одной стороны, в душе — музыка, с другой — как будто больше чем следует в ретире замечтался. И надо откровенно сознаться, последнее из этих чувств, кажется, преобладает. По крайней мере, даже в эту минуту я все еще чувствую, что пахнет, между тем как музыки уж давным-давно не слышать.

Но что всего больше поразило меня в новорожденном органе — это неизреченная и даже, можно сказать, наглая уверенность в авторитетности и долговечности. «Уж мне-то не заградят уста!», «Я-то ведь до скончания веков говорить буду!» — так и брызжет между строками. Во втором номере Ноздрев даже словно играет с персонами, на заставках команду имеющими. «Нас спрашивают некоторые подписчики, — говорит он, — как мы намерены поступить в случае могущей приключиться горькой невзгоды? то есть отдадим ли

подписчикам деньги назад по расчету или употребим их на собственные нужды? На это отвечаем положительно и твердо: никакой невзгоды с нами не может быть и не будет. Мы не с тем предприняли дело, чтоб итти навстречу невздам, а с тем, чтобы направлять таковые на других. Тем не менее, считаем за нужное оговориться, что не невозможен случай, когда опасения подписчиков рискуют оказаться и небезосновательными. А именно: ежели публика выкажет холодность к нашему изданию и не предоставит нам достаточных средств для его продолжения. Тогда мы еще подумаем, как нам поступить с подписчиками».

Таким образом, оказывается, что ежели вы, например, подпишетесь на «Помои», то для того, чтобы не потерять денег, вы обязываетесь уговаривать всех ваших родственников, чтоб и они на «Помои» подписались... Справедливо ли это?

Но можете себе представить положение бедной «Пригорюнившись Сидела»? Что должны ощущать почтеннейшие ее редакторы, читая, как «Помои» перемывают ее косточки и в каждой строчке прозревают измену. Ведь у нас так уж истари повелось, что против слова: «измена» даже разъяснений никаких не полагается. Скажет она: то, что я говорила, с незапамятных времен и везде уж составляет самое заурадное достояние человеческого сознания, и только «Помоям» может казаться диковиною — сейчас ей в ответ: а! так ты вот еще как... нераскаянная! Или скажет: Я совсем этого не говорила, а говорила вот то-то и то-то — и тут готов ответ: а! опять за лганье принялась! опять хвостом вертишь! Словом сказать, выгоднее и приличнее всего окажется простое молчание. «Помои» будут растабарывать, а «Пригорюнившись Сидела» —

молчать. Таково их взаимное провиденциальное назначение.

По-видимому, тактика Ноздрева заключается в следующем. По всякому вопросу непременно писать передовую статью, но не затем, чтобы выяснить самую сущность вопроса, а единственно ради того, чтобы сказать по поводу его «русскую точку зрения». Разумеется, выищутся люди, которые тронутся таким отношением к делу и назовут его недостаточным, — тогда подстеречь удобный момент и закричать: караул! измена!

Такого рода моменты называются «веваниями», а ведь известно, что у нас, коли вплотную повеет, то всякое слово за измену сойдет. И тогда изменников хоть голыми руками хватай.

Замечательно, что есть люди — и даже не мало таких, — которые за эту тактику называют Ноздрева умницей. Мерзавец, говорят, но умен. Знает, где раки зимуют, и понимает, что по нынешнему времени требуется. Стало быть, будет с капиталъцем.

Что Ноздрев будет с капиталъцем (особливо ежели деньгами подписчиков распорядится) — это дело возможное. Но чтобы он был «умницей» — с этим я, судя по вышедшим номерам, никак согласиться не могу. Во-первых, он потому уж не умница, что не понимает, что времена переходчивы; а во-вторых, он до того в двух номерах обнажил себя, что даже виноградного листа ему достать неоткуда, чтобы прикрыть, в крайнем случае, свою наготу. Говорят, будто бы он меценатами заручился, да меценаты-то чем заручились?

Покаместь, однако ж, ему везет. У меня, говорит, в тылу — сила, а ежели мой тыл обеспечен, то я многое могу держать. Эта уверенность развивает чувство самодовольства во всем его организме, но в то же время

темнит в нем рассудок. До такой степени темнит, что он, в иступлении наглости, прямо от своего имени объявляет войны, заключает союзы и дарует мир. Но долго ли будут на это смотреть меценаты — неизвестно. Не дальше, как сегодня, под живым впечатлением только что прочитанных номеров, я встретился с ним на улице и, по обыкновению, спутался. Вместо того, чтоб перебежать на другую сторону, очутился с ним лицом к лицу и начал растабарывать. «Как, говорю, вам не стыдно выступать с клеветами против газеты, которая, во всяком случае, честно исполняет свою задачу? Если бы даже убеждения ее...» Но он мне не дал и договорить.

— Прежде всего, — прервал он меня, — я не признаю клеветы в журналистике. Журналистика — поле для всех открытое, где всякий может свободно оправдываться, опровергать и даже в свою очередь клеветать. Без этого немислимо издавать мало-мальски «живую» газету. Но, главное, надо же, наконец, за ум взяться. Пора раз навсегда покончить с этими гнездами разьевшегося либерализма, покончить так, чтоб они уж и не воскресли. Щадить врага — это самая плохая политика. Одно из двух: или сдаваться ему в плен, или же бить, бить до тех пор....

Так вот он что, милая тетенька, собрался совершить. Покончить с «врагами» — с чьими? с своими собственными ноздревскими врагами... ах! Спрашивается: неужто ж найдется в мире какая-то «сила», которая согласится войти в союз с Ноздревым, с целью сокрушения ноздревских врагов?!

Нет, как хотите, а Ноздрев далеко не «умница». Все в нем глупо: и замыслы, и надежды, и способы осуществления. Только вот негодайство как будто скрашивает его и дает повод думать, что он нечто смекает и что-то может совершить.

Вся его сила заключена именно в этом негодяйстве; в нем, да еще в эпидемически развившейся путанице понятий, благодаря которой, куда ни глянешь, кроме мути, ничего не видишь. Пользуясь этими двумя содействиями, он каждодневно будет твердить, что все, кто не читает его паскудной газеты — все это враги и потрясатели. И найдутся простецы, которые поверят ему...

Но вы, милая тетенька, не верьте! Не увлекайтесь ни ноздревскими клеветами, ни намеками на ноздревскую авторитетность и на каких-то случайных людей, которые будто бы поддерживают его авторитетность. Смотрите на Ноздрева как можно проще: как на продукт современного веянья, то есть как на бездельника и глупца. Тогда для вас не только сделается ясным секрет его беззастенчивости, но и паскудный лист, в котором он выливает свои душевные помои, перестанет казаться опасным, а пребудет только паскудным, чем ему и быть надлежит. <...>

*Салтыков-Щедрин М.Е.
Полн. собр. соч. Т. 14. С. 396—401.*